

НАШ АРХІВ

Про Олексія Івановича Карпенка

О. І. Карпенко полишив невеликий за обсягом, але вагомий за змістом спадок у гоголезнавстві. Поперед усього це його книга «О народности Гоголя» (1968), яка викликала шалений гнів партійних бонз, чутливих до всього, що видавалось «з душком націоналізму». Олексія Івановича викликав до ЦК КПУ Віталій Кононенко і пригрозив зіпсувати кар'єру. І слово дотримав. З його ініціативи з'являються дві рецензії в «Літературній Україні» і «Радянському літературознавстві», які закрили дорогу цілому напрямку досліджень гоголівського спадку. Авторами першої були А. Кулініч та І. Заславський, автор другої – А. Чалий (Кулініч А. Змістова робота, прикрі прорахунки / А. Кулініч, І. Заславський // Літературна Україна. – 1973. – 20 лип. – Рец. на кн. : Карпенко А. И. О народности Н. В. Гоголя. – К. : Изд-во Киев. ун-та, 1973. – 279 с.; Чалий [Рецензія] // Радянське літературознавство. – 1973 – № 9. – С. 92–94. – Рец. на кн. : Карпенко А. И. О народности Н. В. Гоголя. – К., 1973. – 279 с.). Що перелякало блюстителів чистоти? Судячи з того, що обидві рецензії утримують одну і ту ж цитату, погляд Віталія Кононенка зупинився на фразі із книги, яка загрожувала «підвалинам» комунізму: «Начальство свое запорожцы держали, пока нравилось. Как не понравилось – выбирают других» (с. 81). А щодо аргументів, то автори сходяться на одному: «Тарасу Бульбі» не можна вірити, бо це романтичний твір, а вчений називає його реалістичним. А решта в їхніх рецензіях – словоблуддя і риторика, повчання і констатація «суперечностей, прорахунків, недоліків».

Між тим книга О. І. Карпенка стала подією і залишається до сьогодні чи не найвагомішою працею в українському гоголезнавстві ХХ ст., в якій унаочнено кровний зв'язок творчості Гоголя з українським світом. Провідний сучасний російський критик Володимир Воропаєв у коментарях до нового повного зібрання творів письменника, посилаючись на працю О.І. Карпенка, зазначає: *«Как показывает специальное исследование, в «Тарасе Бульбе» нет ни одного сколько-нибудь значительного эпического или лирического мотива, который не имел бы своей аналогии в украинских народных песнях и думах»* (Полное собрание сочинений и писем в семнадцати томах. – Москва-Киев, 2009. – Т. 1-2. – С. 636). Чи не це і було головним аргументом тих, хто стояв на сторожі ідеологічної чистоти?

Після цього О. І. Карпенко розпочав дослідження «Мертвих душ», надрукував декілька статей, серед яких є і непересічні.

Ми друкуємо одну із праць О. І. Карпенка, яку нам люб'язно надала вдова дослідника Людмила Іванівна Іванова. Редактори внесли деякі правки в статтю О. І. Карпенка.

**НАРОДНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В «МЕРТВЫХ ДУШАХ» –
ИСТОКИ И ПРИНЦИПЫ ИХ ПОСТРОЕНИЯ**

1. В этом ряду образы «беглых» крестьян: Абакум Фыров – «возлюбивший вольную жизнь и приставший к бурлакам; дворовой Попов, тоже сбежавший от своего душевладельца, вроде Плюшкина. Попадет он затем в руки капитана-исправника, который при допросе непременно «ввернет», «прибавит» или «загвоздит кое-какое крепкое словцо» или, «скрепивши допрос кое-какими крепким словом», отправит бойкого Попова в тюрьму, и тот будет кочевать из Царево-Кокшайской тюрьмы в Вельегонскую, из Вельегонской в какую-нибудь Костромскую и т. д. (Дать полный текст этих вставок-биографий. В их структуре определить композиционные, стилевые, образно-структурные элементы, которые сближают эти вставные сюжетные «истории народных персонажей с традицией народного «рассказа». Во-вторых, раскрыть их функцию социального антипода по отношению ко второму ряду образов – персонажей «душевладельцев»).

2. В лаконичной форме поданных отдельных портретов-характеристик складывается в поэме коллективный образ народа. В целом ряде персонажей персонифицированы его черты, его «коренные силы русской жизни». Наряду с Поповым, Абакумом Фыровым, плотником Степаном Пробкой, чудо-сапожником Максимом Телятниковым – следует ряд персонажей из народа, в которых Гоголем выразительно выявлена исключительная одаренность народного характера, его трудолюбие, расторопность, размах.

а) «Русский человек способен ко всему и привыкший ко всякому климату. Пошли его хоть в Камчатку, да дай только теплые рукавицы, он похлопает руками, топор в руки и пошел себе рубить новую избу» [VI, с. 154]*. (Как видим, народный принцип «визуальной предметности» – у Гоголя даже в общих характеристиках). (Здесь возможен тезис: широкий захват в «Мертвых душах» социальной современности обеспечивал гоголевскому повествованию народность и тогда, когда это изображение корнем уходило в «самую натуру жизни», а не только в рассказ о ней).

---

* Цитаты подаются за виданням: Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. – [М. ; Л.], 1937 – 1952.

б) Вот каретник Михеев, делавший только рессорные экипажи особой прочности и совершенства. Он умел их сам обивать и лаком крыть. На днях наладил такую бричку, что и в Москве не сделать, и которому, по словам Собакевича, только бы на царя и работать, действительно был и при жизни таким «славным мастером» [VI, с. 102].

3. Таков же и Милушкин – кирпичник [VI, с. 152].

Таков и уже упоминавшийся Абакум Фыров – широкая свобододолюбивая натура, та «коренная сила народа», в которой соединились два творческих начала – труд и «удалая гульба», два начала, из которых «рождается песня».

Вот эта картина единства труда и свободной песни: «Гуляет шумно и весело на хлебной пристани, порядившись с купцами, цветы и ленты на шляпе, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь с любовницами и женами, высокими, стройными, в монистах и лентах; хороводы, песни, кипит вся площадь, а носильщики между тем при криках, бранях и понуканьях, зацепляя крючком по девяти пудов себе на спину, с шумом сыплот горох и пшеницу в глубокие суда, валят кули с овсом и крупой и далече виднеют по всей площади кучи наваленных в пирамиду, как ядра, мешков, и громадно выглядывает весь хлебный арсенал, пока не перегрузится весь в глубокие суда...»

Образ битва-жатва, уподобляется сражению – как валятся снопами; реалии битвы – с реалиями хлебного урожая; здесь наоборот – кули хлеба – в ядра – в арсенал хлеба!

4. Народный персонаж у Гоголя – воплощение широкой свобододолюбивой натуры, «бойкого ума», и не понесется гусем, вместе с весенними льдами, беспокойный флот» [VI, с. 139].

(Комментарий: Сцена поэтизации труда, размах народного творческого начала, его проявление в широком песенно-поэтическом масштабе.)

По своей структуре близок к тому «лирическому течению» стиля в повествовании Гоголя, которое особенно характерно для стиля «Вечеров...» и «Тараса Бульбы». Идеализация?..

Особая функция: контраст «верной картине народной жизни» (Белинский) – возвышенный лирический образ широкого «размета народной души» еще отчетливее усиливают колорит «ужасающей картины» жизни крепостного крестьянства, его нищеты, голода, болезней, «бегства на все четыре стороны».

5. «Какую-то особенную ветхость заметил он (Чичиков) на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек

вверху да жерди по сторонам в виде ребр...¹ Окна в избенках были без стекол, иные были заткнуты тряпкой или зипуном...» [VI, с. 111–112].

6. Судьба народа совершенно чужда «душевлладельцам». Сколько умерло народу и почему? Как живут крестьяне? Эти вопросы, например, для Манилова совершенно лишены смысла. Его чувства и «мечтания» заняты «магнетизмом души», «именинами сердца». Сколько умерло народу и почему?

«...именно очень многие умирали... точно, очень многие... Я тоже предполагал, большая смертность; совсем неизвестно, сколько умерло» [VI, с. 33]. Чичикову же четой Маниловых приготовлен подарок: список мертвых душ, написанный красивым почерком, искусно сделанной по бокам листа каемочкой; к тому же лист оказался перевязанным розовой ленточкой (Там же).

7. В восприятии «душевлладельцев» крестьяне – воры, мошенники, за которыми нужен бдительный надзор, иначе они обязательно что-нибудь да украдут у помещика. У Плюшкина для крестьян одна пара сапог.

Вот 13-летний Прошка, дворовой мальчик Плюшкина, «мальчик без детства». От Плюшкина он слышит: «рожа», «глуп, как бревно», «вор», «дурак», «чего пришел, дурачина», «вот я тебя березовым венком для вкуса-то» [VI, с. 38].

Вот 11-летняя крепостная Пелагея; девочка, которая «ни разу не улыбулась», которая «не знает, где лево, где право». Удивительно ли, что «люди у него (Плюшкина) «мрут, как мухи» или бегут, куда глаза глядят».

8. В гоголевском образе крепостнического общества, составляющие это общество социальные антиподы представлены в определенных нравственно-этических связях. Душевлладельцы, оказывается, любят своих крепостных, но – мертвых. Чичикову, например, радость доставило... народное бедствие. При известии о том, что у Плюшкина умирают люди в большом количестве, он от удовольствия «даже почувствовал небольшое сердечное биение» [VI, с. 99].

Так чувство корысти у душевлладельцев оказывается источником их любви к крепостным мертвым. А живое – это в их восприятии «воры», «мошенники», за которыми «нужен бдительный надзор».

---

¹ Любопытно: у Есенина в поэме «Пугачев»: «Каплет гноем смола прогоркая из бревенчатых ребер изб». Что это – совпадение образа? Заимствование? Таких «гоголевских» мест у Есенина немало. Он любил Гоголя. Или тут другое: органическое чувство народности привело обоих к одному и тому же народному источнику? Проследить эти факты.

(Мотив ненависти к живым и любовь к мертвым – это есть гоголевский «смех сквозь невидимые миру слезы»).

9. Таким образом, у Гоголя в противостоящих двух рядах персонажей – душевладельцев и крепостных – постепенно обнаруживается острый социальный конфликт в своем постепенном психологическом, нравственном и этическом проявлении (созревании).

Душевладельцы оказываются в «непримиримой супротивности» с «коренными силами русской жизни», с народом. Закономерно встает вопрос «А что нужно?» В гоголевских «картинах жизни» явно распознаются созревающие ответы. Для душевладельцев оказывается «нужно..., чтобы они вечно были перед глазами Чичикова и чтобы он держал их в ежовых рукавицах, гонял бы их за всякий вздор, да и не то, чтобы полагаясь на другого, а чтобы сам-таки лично, где следует, дал бы и зуботычину, и подзатыльника» [VI, с. 155]... , в крайнем случае, следует действовать с «военной жестокостью».

С другой стороны, Гоголь, «озирая народную жизнь», открывал в живой душе народа «бьющий источник неистребимости» и протеста.

В структуре духовного облика крепостного крестьянства Гоголь представил разные формы этого протеста. «Бог ведает, трудно сказать, что думает дворовой крепостной человек в то время, когда барин ему дает наставления». – Мстит ему кличкой, прозвищем, которое – «на вечную носку»... «в род и потомство... и всегда каркнет само за себя... и скажет ясно, откуда вылетела птица» [VI, с. 108–109].

Отсюда – тезис: Гоголь, воспринимает народное слово – «прозвище», «поговорку» – в их социальном смысле, значении.

10. Через народные воззрения Гоголь изображает «Русь», народ не только в быту, в труде, в духовной деятельности, в языковом творчестве, в состоянии социального угнетения, но и в аспекте «вольного порыва», народного бунта, протеста.

В этом параграфе рассмотреть картины народного бунта. Показать народные истоки их содержания и формы. Таких картин в «Мертвых душах» – пять. Все они в разных вариантах восходят к структурам народной «оповеди», к формам «идуших» в народе «слухов».

Мотив о народном протесте Гоголь («ввиду у цензуры») облекает в особые формы. О возможном бунте «крестьян Чичикова» предположительно высказываются городские чиновники. Одни считали, что при переселении в Херсонскую губернию «мужик Чичикова убежит»; другие «стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между таким беспокойным народом, каковы крестьяне Чичикова», «многие предложили свои мнения насчет того, как искоренить буйный дух, обуревавший крестьян Чичикова. Мнения

были всякого рода: были такие, которые уже чересчур отзывались военною жестокостью и строгостию, едва ли не излишне... многие... предлагали даже конвой для безопасного препровождения крестьян до места жительства» [VI, с. 155–156].

Чичиков «от конвоя отказался решительно, говоря, что он совершенно не нужен, что купленные им крестьяне отменно смирного характера, чувствуют сами добровольное расположение к переселению и что бунта ни в каком случае между ними быть не может» [VI, с. 156].

(Комментарий: Это самый сложный по своей структуре фрагмент «Мертвых душ». Здесь именно происходит «метаморфоза»: происходит «оживление» мертвых душ. С одной стороны, «крестьяне Чичикова» – (в отрывке это пять раз повторено) – это умершие люди. С другой, – в предположении душевладельцев они проявляют себя, как живые. И эта форма проявления живой души народа – порыв к воле, протест, бунт. А у Толстого – «порыв», готов проявиться и «бунт», показан в «Завязи»!

Во-вторых, структура отрывка – источник глубокого юмора: опасения чиновников – нелепы и смешны, потому что они относятся к «мертвым душам», а не к живым крестьянам.

Однако они перестают быть нелепыми и смешными, как только читатель осознает, что эти опасения являются отражением действительных бунтов переселявшихся крестьян под конвоем и по приказу.

Так Гоголь находит необходимую форму для того, чтобы «выставить» запретную «сторону жизни». Таков идейный смысл этой сцены. Он хорошо известен, о нем говорят и повторяют многие исследователи.

Важно здесь объяснить ее художественную природу. Очевидно, что само освещение «буйного духа» «народной души» здесь представлено с народной точки зрения, хотя выражено в форме опасения чиновников. Тщетно искать прямого народно-повествовательного источника этого отрывка, в котором Гоголь передает мотив народного бунта. Материалы (черновые, рукописные, архивные), связанные с творческой историей «Мертвых душ», таких свидетельств о наличии прямого источника не дают.

Однако сама форма анализируемого отрывка явно – народна. Сама его художественная структура основана на принципе народного смехового жанра; этот принцип – неузнавания. В жанре народного водевиля этот принцип обычно реализуется в ситуациях, где воображаемое, кажущееся принимается за действительное и – наоборот. Эта «ситуация неузнавания» и есть источник юмора в

смеховом народном жанре. (Для примера взять народный водевиль и кратко выкристаллизовать эту модель смеховой ситуации). То же у Гоголя. В анализируемой сцене: «Мужики Чичикова» в восприятии чиновников – это живые крестьяне; отсюда их опасение: «чтобы не произошло даже бунта между таким беспокойным народом». Однако в действительности «крестьяне Чичикова» – это умершие люди. Но эта действительность – тайна Чичикова. Отсюда в структуре отрывка и возникает «ситуация неузнавания» – ситуация «бунта мертвых», то есть ситуация, основанная на принципе подмены кажущегося – действительным, невозможного – возможным.

У Гоголя т. н. традиция народного смехового жанра явилась творческим источником того особого юмора, который позволил писателю «выставить запретную сторону жизни».

10. Эта «запретная сторона жизни» – картины народного бунта в «Мертвых душах», которые имеют различную художественную форму.

Здесь писатель говорит о тревоге, охватившей чиновников в связи с назначением нового генерал-губернатора. Особенно беспокоили неприятности: «не так давно случившиеся события».

Тут прием: эти происшествия, на первый взгляд, должны служить материалом для обвинения чиновников в «нечистой совести», однако, объективно, это описание «событий» открывало именно ту «запретную сторону» жизни с ее социальными противоречиями и конфликтами.

«Другое происшествие, недавно случившееся, было следующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-Спесь, соединившись с таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово тож, снесли с лица земли будто бы земскую полицию в лице заседателя, какого-то Дробяжжина... в показаниях крестьяне выразились прямо, что земская полиция была-де блудлива, как кошка, и что уже не раз они его оберегали и один раз выгнали нагишом из какой-то избы, куда он было забрался.

Конечно, земская полиция достоин был наказания за сердечные слабости, но мужиков как Вшивой-Спеси, так и Задирайлова тож нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только действительно участвовали в убийении. Но дело было темно; земскую полицию нашли на дороге, мундир или сертук на земской полиции был хуже тряпки, а уж физиогномии и распознать нельзя было...» [VI, с. 194].

Комментарий: обратить внимание на:

1) По структуре – новелла – вставка (вставка – характеристика). Развить тезис: Народные мотивы – в форме – оповедей – вставок).

2) Отрывок по структуре – не в авторском повествовании, а «события в «опасении» чиновников. Причем: вся история излагается по свидетельству крестьян, передана так, как «выразились» крестьяне: ...в показаниях крестьяне выразились прямо...»

3) Полиция характеризуется с народной точки зрения. Свидетельствует об этом использованное по отношению к какому-то Дробяжину (заседателю) выражение «земская полиция» (крестьяне снесли с лица земли будто бы «земскую полицию» в лице какого-то Дробяжкина – явно прозвище из уст крестьян.)

4) В отрывке прозвище, приложенное к конкретному лицу обобщающее «земская полиция», – употреблено пять раз:

а) «земскую полицию» снесли с лица земли;

б) «земская полиция» достоин был наказания;

в) «земская полиция» был блудлив, как кошка»;

г) «земскую полицию» нашли на дороге;

д) «мундир на земской полиции был хуже тряпки» – такое пятикратное повторение подчинено в тексте задачам передачи, характеристики полиции в крестьянском восприятии. Наконец, то, что слово «физиономия» употреблено в плане народной этимологии – «физиогномия» – указывает, что описываемое событие крестьянского бунта – передано Гоголем через народное восприятие этого события.